

А. А. Иванов, А. Э. Котов

Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века)

***Иванов Андрей
Александрович***
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

***Котов Александр
Эдуардович***
д-р ист. наук, доц.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Изучению российской эмиграции на всех ее этапах посвящено немало исследовательских работ. Не стала исключением и первая массовая волна эмиграции из Российской империи конца XIX — начала XX в., имевшая преимущественно экономический характер. Проблема выезда российских подданных в зарубежные страны, среди которых первое место занимали заокеанские (США, Канада, Аргентина, Бразилия и др.), как на постоянное место жительства, так и временно — на заработки, затрагивалась еще в дореволюционных работах¹. В дальнейшем этому явлению уделяли внимание такие советские историки, как Р. Ш. Ганелин², А. А. Стрелко³, Н. Л. Тудоряну⁴ и др. С учетом того, что эмиграционное движение было наиболее развито на западных окраинах империи, историки обращали особое внимание на эмиграцию из регионов, оказавшихся ныне территориями Литвы⁵, Белоруссии⁶ и Украины⁷. Экономическую эмиграцию из Российской империи в зарубежные страны продолжают активно исследовать и современные российские историки⁸.

В связи с достаточной изученностью причин, характера и особенностей российской эмиграции в страны Северной и Южной Америки, а также ее законодательного обеспечения, обустройства и деятельности в зарубежье, авторы данной статьи ставят целью исследование иного

аспекта — влияния зарубежной трудовой миграции на экономическое положение Западного края, под которым традиционно принято понимать бывшие территории Речи Посполитой, вошедшие в Российскую империю в конце XVIII — начале XIX вв. и составлявшие к началу XX в. девять губерний — шесть северо-западных (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская) и три юго-западных (Волинская, Киевская и Подольская). Такой подход обуславливается, во-первых, тем, что именно Западный край занимал лидирующие позиции по количеству экономических эмигрантов, а во-вторых, влиянием временной трудовой миграции литовского, белорусского, украинского и великорусского населения западных губерний на сельское хозяйство, землеустройство и другие экономические отрасли региона. Последнему аспекту в историографии уделялось значительно меньшее внимание, чем эмиграционному законодательству, причинам и масштабам экономической эмиграции и жизни эмигрантов в заокеанских странах. Между тем, как показывают документы из фондов Российского государственного исторического архива, легшие в основу данной статьи, российские власти, взявшись в конце XIX — начале XX в. за изучение проблемы трудовой эмиграции, пытались анализировать последствия, которые она оказывает на экономику региона и осуществление правительственных мероприятий, направленных на реализацию аграрных преобразований. Другой аспект, который также невозможно игнорировать в рамках обращения к данной теме, — попытки властей выработать официальную позицию в отношении трудовой эмиграции с целью урегулировать ее.

Заметное усиление трудовой эмиграции населения из западных губерний имело как политические, так и экономические причины. По политическим причинам Россию обычно покидали евреи, поляки, литовцы, отчасти немецкие колонисты. Впрочем, для большинства перечисленных этнических групп политический фактор часто был неразрывно связан с экономическим — большинство эмигрантов «инородческого» происхождения не устраивали политические и экономические реалии Российской империи. Принципиально иным явлением была временная трудовая эмиграция населения западных окраин, представленная преимущественно крестьянами, ремесленниками и неквалифицированными рабочими литовского и русского (белорусского, украинского и великорусского) происхождения. В отличие от эмигрантов, стремившихся в поисках лучшей доли навсегда перебраться в зарубежные страны, трудовые эмигранты рассматривали свой отъезд как временный, предполагая возвращение на родину после того, как удастся заработать за границей достаточное количество денежных средств. Поэтому данный вид эмиграции с полным основанием можно считать одним из направлений трудовой миграции. Если ранее жители западных русских губерний в поисках заработка переселялись на юг и восток империи⁹, искали заработков в соседних европейских державах, то по мере распространения информации о заокеанских странах, открывавших, по сравнению с Россией и европейскими государствами, большие возможности для трудоустройства и заработка, значительная часть трудовых эмигрантов стала перемещаться туда.

Превратившись к концу XIX — началу XX в. в массовое движение, экономическая трудовая эмиграция обратила на себя серьезное внимание российских властей, которые должны были выработать в отношении нее официальную позицию.

Отсчет истории переселенческого движения из Западного края за границу эксперты Переселенческого управления относили к началу 1880-х годов, не без оснований полагая, что толчок этому движению дало «массовое переселение в 1881–1883 годах евреев, за которыми потянулось и крестьянское население»¹⁰. Местные власти рассматривали тогда это явление как нежелательное и с начала 1890-х годов — когда движение приобрело статистически значимый масштаб — пытались противодействовать ему.

Одним из первых русских администраторов, приступивших к пересмотру прежнего подхода, стал Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор Виталий Николаевич Троцкий (1835–1901), занимавший эту должность с 1897 г. до своей смерти. Обращение руководителя Северо-Западного края к проблеме трудовой эмиграции было не случайным: первыми «коренными русскими» (как тогда называли все православное население края), начавшими покидать родину в поисках заработка, оказались жители Виленской и Гродненской губерний, где капиталистические отношения развивались быстрее¹¹. В первой половине 1901 г. Троцкий подготовил записку «Эмиграционное движение в пределах Северо-Западного края», в которой отнес эмиграцию крестьян к числу «наиболее крупных общественных и хозяйственных явлений» вверенного ему региона. Троцкий указывал: «Несмотря на предпринимаемые меры борьбы с эмиграцией в течение десятилетия, все действия против эмиграции оказываются бессильными и бесплодными и вся борьба обыкновенно сводится к поимке, в большинстве случаев, пограничных крестьян, получающих за провод эмигрантов по рублю, а руководящие и заправляющие делом остаются безнаказанными. Отсюда само собою вытекает, что условия, вызывающие эмиграцию, слишком сильны и не дают возможности прекратить их действиями полицейских мер»¹².

По сведениям генерал-губернатора (собранным у мировых посредников, полиции и почтовых контор), организаторами эмиграции выступали «как отдельные лица, так и организованные конторы», зарабатывавшие на этом движении значительные средства. Эмиграционных агентов, по преимуществу еврейского происхождения, в случае их выявления, высылали из пределов края (на основании ст. 32–34 Положения о государственной охране). В 1890–1896 гг. за незаконную агентскую деятельность наказанию подверглись 67 чел., «но едва ли эта мера оказала какое-нибудь влияние на уменьшение эмиграционного движения, и место высланных агентов и проводников заняли новые, продолжавшие вербовать эмигрантов и тайно переводить их через границу, — признавал Троцкий. — Ловили же в большинстве случаев “работников”, получавших за труды эти от 1 руб. Сколько известно, главных воротил, за отсутствием улик, не трогали и потому борьба с такими агентами была нелегкою». За следующие четыре года были наказаны уже 93 чел., однако «высылка эта на прекращение эмиграционного движения крестьян не оказала влияния»¹³.

Говоря о сложившейся в Вильне своеобразной миграционной мафии, Троцкий заключал: «Агенты эти хоть всем известны, но совершают свои операции весьма хитро и осторожно, действуя через других лиц — крестьян, которым выдают за каждого доставленного эмигранта небольшую плату». Финансовые же потоки, проходившие через руки посредников, генерал-губернатор оценивал с помощью сообщенных (и, вероятно, далеко не полных) виленским полицмейстером сведений: «Деятельность агентов, проживающих в Вильне, в особенности Лейзера и Леси Гершеновичей, Натансона и Кризовских, по вербовке эмигрантов настолько успешна, что по полученным от виленского отделения Государственного банка сведениям, за время от 1 января по 12 ноября 1900 г. ими переведено в Гельсингфорс на имя финского пароходного общества, откуда в последнее время отправлялись нанятые ими эмигранты за границу: Лейзером Гершеновичем 3085 р., Леею Кризовскою 13 135 р., Песею Гершеновичем 28 350 руб., Натансоном 525 р. и Израилем Кризовским 32 250 р., а всего 78 035 руб.»¹⁴. Впрочем, учтенное властями число эмигрантов из Виленской губернии было еще сравнительно невелико: за 1895–1900 годы выехали 2411 чел., из которых возвратились 247, причем в это число входили как крестьяне, так и евреи, имевшие право на свободную эмиграцию¹⁵.

Всех эмигрантов генерал-губернатор делил на две категории. Первую составляли «переселяющиеся в другие государства и прекращающие всякие сношения с отечеством» с «целью уклонения от исполнения воинской повинности» или стремящиеся «избежать судебного преследования за какие-либо преступления и т. п.»; а вторую — «самовольно отлучающиеся в другие государства на многомесячные заработки, без установленных паспортов»¹⁶. Наибольший интерес для власти представляла вторая группа — выезжавшие «с целью заработать несколько сотен рублей, для погашения долгов, накопившихся на земельных участках и поднять благосостояние хозяйства». Троцкий указывал: «Экономическое положение таких лиц в большинстве случаев безусловно улучшается: возводятся новые и починяются старые постройки, увеличивается хозяйственный инвентарь, а что еще более важно — уплачиваются все долги, бывшие на участках, и, наконец, приобретаются земельные участки»¹⁷. Анализируя причины, побуждавшие крестьян к отъезду за границу, генерал-губернатор в качестве главной выделял отсутствие «выгодных и постоянных местных заработков» и низкую заработную плату на родине. По сведениям Троцкого, средняя цена на поденную работу в летнее время колебалась по Северо-Западному краю в районе 60 коп., лишь в Ковенской губернии доходя в 1899–1900 годах до 1 руб., «тогда как в Америке чернорабочий получает за поденную 10-часовую работу до трех руб., а работающие в каменноугольных шахтах от 4 до 5 рублей в сутки»¹⁸.

В. Н. Троцкий был, по-видимому, первым из крупных администраторов, положительно оценивших экономическое значение зарубежной трудовой миграции. Доказывая положительное влияние отхода крестьян на заработки за границу, генерал-губернатор приводил следующие факты: с получением средств от заграничных заработков сократились продажи крестьянских имуществ за долги, а также уменьшилась зависимость крестьян от евреев-ростовщиков,

так как появилась возможность занимать под меньший процент (6–10 % против 20–30 %) у односельчан, имеющих средства с зарубежных заработков. «Отнести этот факт к влиянию каких-либо местных условий, способствовавших улучшению материального положения крестьян, не представляется никаких оснований, так как местные заработки, урожаи и цены на сельскохозяйственные продукты не обозначали заметного колебания за последние 10 лет», — писал Троцкий, констатируя, что «эмигранты присылают своим родственникам довольно значительные суммы, нередко по 200–300 руб. в год и больше», и «немало крестьян возвращающихся приносят сотни и тысячи рублей». Генерал-губернатор резюмировал: «При тех выгодах, которые доставляет эмиграция, борьба с нею трудна, и, что хуже всего, обыкновенно подвергаются наказанию проводники, получающие гроши, а воротилы почти никогда»¹⁹.

После смерти В. Н. Троцкого в 1901 г. внимание властей к проблеме трудовой эмиграции из Западного края, ее недостаткам и выгодам на некоторое время ослабло. Проблема — на новом, уже правительственном, уровне — привлекла к себе внимание только в 1909 г. «Признавая совершенно неотложным упорядочение отечественного отходного на заграничные заработки движения», центральные власти сделали первые шаги на пути регулирования трудовой эмиграции²⁰. Однако к ознакомлению с эмиграционным делом «приступило совершенно постороннее крестьянскому населению ведомство» — Отдел торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности (далее — МТиП) — и, как писал чуть позднее эксперт другого ведомства, «по-видимому, на основаниях, мало имеющих отношений к интересам крестьянства»²¹.

Последнее замечание было справедливо и вскоре подтвердилось. В силу ведомственных приоритетов Отдел торгового мореплавания, равно как МТиП, интересовался эмиграционным движением за океан исключительно с точки зрения прибыли, которую можно было извлечь за счет перевозки эмигрантов, а отнюдь не роста материального благосостояния крестьянства и решения вопросов землепользования. «Все дело было в том, чтобы использовать возможности правительственного регулирования эмиграции в интересах скрытого субсидирования русских пароходств»²². В 1910 г. ведомство решило освободить заокеанских трудовых эмигрантов от паспортного сбора (15 руб. за паспортную книжку и по 15 руб. за каждые шесть месяцев пребывания за границей, что было очень ощутимо для ищущих заработка крестьян), заменив паспорта особыми разрешительными свидетельствами с уплатой по 20 коп. Но чтобы воспользоваться этой льготой, эмигранты должны были отправляться в неевропейские порты исключительно на российских пароходах, принадлежащих одному обществу, которое получит концессию на перевозку эмигрантов²³. Однако мера эта вызвала критику со стороны прессы, подметившей, что поскольку Русское Восточно-Азиатское пароходное общество, имеющее главную контору в Либаве, фактически представляет собой монополиста по осуществлению заокеанских рейсов, то все выгоды от подобной меры достанутся ему, а между тем общество это является «русским» весьма условно, так как его акционерами выступают датчане²⁴ (высказывалось мнение, что датскому капиталу покровительствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна — дочь

датского короля²⁵). Возмущение прессы вызывало и то, что МТиП своим подходом «приравняет русских людей к товару, на котором можно заработать». «Русское знамя» недоумевало, почему, когда правительство не жалеет затрат, чтобы заселить пустующие азиатские земли, Министерство торговли намерено в интересах пароходной компании поощрять отток рабочей силы за океан, как будто бы русский народ является «в своем роде рабочим скотом, на котором можно крупно заработать»²⁶. Критика отчасти возымела действие, и Министерство решило было предоставлять льготы лишь пароходствам, работающим на русские капиталы, а не просто под русским флагом, но в результате протестов со стороны Восточно-Азиатского пароходства, ссылавшегося на «трудность определения национальной принадлежности капитала» и недостаток русских капиталов, в итоге было решено не оговаривать этого вопроса в законе, предоставив его решение в каждом отдельном случае соответствующим ведомствам²⁷.

Вместе с тем имелись и положительные последствия критики с мест и газетных публикаций. Ведомство, заинтересованное в путях «к привлечению пассажиров и грузов на русские пароходы», обратилось за сведениями к местным властям. В 1910 г. при МТиП было созвано межведомственное совещание, целью которого стала выработка «схемы правительственного заведывания эмиграцией». Ведомственная комиссия, разработавшая на основании этой схемы «Положение об отходе на заработки за границу», естественно, возложила «высшее заведывание» процессом на свое министерство²⁸.

В феврале 1910 г., в связи с подготовкой законопроекта об эмиграции, губернаторам, начальникам областей и градоначальникам МТиП разослали анкеты, ответы на которые должны были дать информацию: о развитии движения за последние 10 лет, его направлении, национальном, социальном и профессиональном характере; причинах, побуждающих российских подданных перебираться в другие страны и количестве возвращенцев; о роли в движении эмиграционных агентов, влиянии эмиграции на интересы местного населения и дальнейших перспективах движения²⁹. Ответы на эти вопросы, полученные от губернаторов Западного края, позволяют представить общую картину эмиграции с западных окраин в начале XX в. и установить экономическое влияние заграничной трудовой миграции на этот регион империи.

Практически все руководители западных губерний признавали значительный рост эмиграции с начала XX в., охватывающей в первую очередь работоспособное мужское население преимущественно в возрасте от 18 до 40 лет (число женщин среди трудовых эмигрантов колебалось от 10 до 25 %, а их возраст от 18 до 25 лет). По оценке гродненского губернатора, контингент трудовых эмигрантов в большинстве случаев состоял из «младших членов больших малоземельных или безземельных крестьянских семей, не находящихся приложения своему труду на родине»³⁰. Абсолютно во всех отчетах указывалось, что, в отличие от эмигрантов, покидавших Россию навсегда, трудовые эмигранты имущество свое на родине практически никогда не ликвидировали, передавая его оставшимся членам семьи или сдавая в аренду.

Основными причинами трудовой эмиграции назывались малоземелье, отсутствие работы и стремление крестьян найти более высокий заработок (волинский губернатор также указывал на «наступивший после русско-японской войны и внутренних смут 1905 и 1906 годов небывалый застой в экономической жизни страны»³¹), а потому предполагалось, что эмиграционное движение за океан может ослабнуть только «с наступлением времени уменьшения заработной платы за границей до размеров таковой в России»³². (Показательно, что вероятность повышения заработной платы в России до размеров заграничной губернаторами не рассматривалась.) Сроки пребывания трудовых мигрантов за рубежом, где они, за исключением ремесленников, находивших наиболее хорошо оплачиваемую работу, обычно трудились на рудниках, шахтах и реже в сельском хозяйстве, по губернаторским данным, варьировались в среднем от 2 до 5 лет. Процент возвратившихся с заработков в разных регионах оценивался по-разному: 45, 75 и 90 %. Однако в подавляющем большинстве случаев указывалось: стремления «к безвозвратному выселению за границу со стороны коренного русского населения не замечается, а отъезжающие из этой среды за границу рабочие для заработков по истечении некоторого времени почти все возвращаются на родину»³³.

Большинство губернаторов вынуждены были признать, что местное население относится к трудовой эмиграции за океан сочувственно (лишь минский и киевский губернаторы докладывали о «равнодушном» отношении христианского населения к этому движению³⁴), поскольку влияние эмиграции на крестьянское хозяйство оказывалось благотворным: она позволяет сократить конкуренцию за рабочие места; на полученные от уехавших на заработки средства улучшаются крестьянские хозяйства, покупается скот, инвентарь и земельные наделы, что, в свою очередь, способствует росту крестьянского благосостояния и сокращению малоземелья³⁵.

Любопытно, что, оценивая влияние заграничной жизни на эмигрантов, губернаторы расходились во мнении. Если ковенский губернатор утверждал: «Пребывание рабочих за границей не оказывает на них особого культурного влияния; возвратившиеся эмигранты ничем не отличаются от тех, кои оставались на родине, как по образу жизни, так и по своим религиозным и политическим взглядам»³⁶, то руководитель Виленской губернии заверял: «Эмигрировавшие за границу крестьяне приучаются там к труду и способам рационального ведения хозяйства, которые по возвращении стараются применить на родине, что также должно считаться большим плюсом для крестьянского хозяйства, которое обыкновенно ведется самым первобытным способом <...> Возвращаются назад более развитыми, дисциплинированными, волне сознательно относящимся не только к своим правам, но и обязанностям»³⁷. Последнюю точку зрения поддерживал и гродненский губернатор: «При тех трудностях, с которыми сопряжено путешествие в Америку <...>; при тех высоких требованиях, которые предъявляются к труду за границей вообще и в Америке особенно, — у возвращающихся вырабатывается особая настойчивость, терпеливость и практичность в работе, энергия и инициатива, которые большинство прилагает, по возвращении, к своему хозяйству на родине». Хотя заметного

влияния за границы на умственное и культурное развитие трудовых эмигрантов губернатор также не замечал³⁸. Вместе с тем гродненский губернатор обращал внимание на «дух свободомыслия», которым заражаются эмигранты в США, «заставляющий их с большим вожделием стремиться к равноправию и всякого рода свободам»³⁹. Последнее наблюдение делалось и представителями революционного лагеря. Так, один из лидеров меньшевизма Л. Г. Дейч, живший в это время в США, писал: «Многие труженики, которых тяжелая доля погнала за “море-океан” в поисках за заработком, и котор[ые] на своей несчастной родине не слышали, быть может, ни единого правдивого, свободного слова, возвращаются домой с более открытыми глазами, а следовательно, увеличивают число борцов за лучшую будущность России»⁴⁰.

Наиболее основательно к миграционному вопросу подошел виленский губернатор Дмитрий Николаевич Любимов (1864–1942)⁴¹, вслед за В. Н. Троицким увидевший в трудовой эмиграции способ значительно повысить благосостояние своей губернии. Наиболее полно и системно Любимов изложил соображения по этому вопросу в губернаторском отчете за 1910 г.

Кратко осветив историю трудовой эмиграции из Западного края, Любимов сетовал, что процесс этот, играющий с каждым годом все большую роль в жизни региона, долгое время не становился предметом специального исследования властями. Между тем он отмечал: «Движение сельского населения губернии временно на заработки за границу, движение, которое часто смешивается с эмиграцией и обыкновенно считают явлением вредным, является одною из важных экономических основ краевой жизни и, по мнению моему, вполне заслуживает не только полного к нему внимания, но и возможно широкой правительственной поддержки»⁴². Понимая, что заокеанские страны (в первую очередь США) дают крестьянам, вынужденным искать дополнительный заработок, возможность заработать гораздо больше, чем в России, Любимов взял на себя труд собрать подробные сведения о движении при помощи полиции, земских начальников и специально назначенного чиновника, «объехавшего все местечки губернии, из коих замечается отлив в Америку на заработки». Полученные данные позволили губернатору прийти к выводу, что трудовая миграция за океан — «явление для благосостояния губернии отнюдь не вредное, а напротив — полезное», так как «из отъезжающих свыше 70 % возвращается домой с деньгами», причем вернувшиеся из Америки отличаются от своих односельчан «опытом, умением работать, почти всегда трезвостью», так как «возвращаются лучшие», а «пьяницы и бездельники погибают в борьбе за существование»⁴³.

Чиновником, о котором упоминал виленский губернатор, видимо, был служащий Переселенческого управления Лев Сергеевич Офросимов. 27 мая 1911 г. ему было поручено обработать собранные по указанию губернатора данные по миграционному вопросу⁴⁴. Офросимов отнесся к поручению добросовестно. Сознвая, что сведения волостных правлений и земских начальников не точны по причине нелегального характера миграционного движения, чиновник, помимо данных от полицейских и почтовых отделений, стал собирать информацию из конторы Русского Восточно-Азиатского пароходного общества

и непосредственно от крестьян (для чего пришлось объехать все населенные пункты губернии), т. е. следовал методу В. Н. Троицкого и его сотрудников, о чьих усилиях, судя по всему, не знал⁴⁵.

Офросимов также пришел к выводу о положительном значении трудовой эмиграции для экономики региона: «При не везде удобной для обработки и мало плодородной почве, при отсутствии на месте кустарного промысла, фабрик, заводов, хороших и широко поставленных сельскохозяйственных предприятий, дающих землевладельцам других губерний побочный заработок, население Виленской губернии принуждено было искать таковой на стороне и нашло его в Соединенных Штатах, где его труд оплачивается, как нигде. Я считаю, что этим только и можно объяснить сравнительно высокий уровень благосостояния местного населения <...> Наиболее сильное движение крестьян на заработки, как и надо было ожидать, наблюдается из волостей с наименее плодородной почвой. В то же время малоземелье, по-видимому, на этом движении сказывается в самом незначительном размере»⁴⁶.

Чиновник отмечал, что редко кто из эмигрантов не высылает деньги на родину семье, а большинство вернувшихся немедленно принимаются за улучшение хозяйства, обстройку, покупку земли и живого инвентаря. «Зачастую во время объездов в деревнях мне приходилось слышать, — писал Офросимов, — что такой-то снарядил сына в Америку заработать денег на постройку новой хаты, или на уплату долга, т. е. на заранее определенный домашний расход». Все это заставляло чиновника признать «движение это, дающее населению огромное подспорье, весьма желательным»: «Переселение на хутора <...> усиленно развивающееся за последние годы — в значительной доле обязано “американцам”; так как <...> без наличного капитала никакие усилия правительства не побудят бедного и неразвитого крестьянина, владельца малопродуктивной земли, ломать хозяйство и быт, затрачивать значительный труд и капитал на перенесение всей усадьбы на другое место»⁴⁷. При этом, отмечал чиновник, «не замечается особого влияния эмиграции на ослабление в губернии рабочей силы земледельческого класса и вздорожания рабочих рук»⁴⁸. На значение средств, которые приносят заокеанские трудовые эмигранты, для реализации столыпинской аграрной реформы указывал и губернатор: «Можно сказать, не рискуя впасть в преувеличение, что успех землеустроительного дела в Виленской губернии до известной степени обязан американским деньгам, так как без запасного капитала крестьяне были бы лишены возможности переносить свои усадебные постройки на другие места и резко менять хозяйственный обиход»⁴⁹.

Интерес представляет также проведенный Офросимовым анализ национального характера трудовых эмигрантов: «Чисто русское православное население за границу идет неохотно... Белорусы предпочитают либо сидеть по домам и сплавлять лес, либо ехать на заработки в Ригу и Петербург, либо, наконец, переселяться в Сибирь. Ополяченные же и обруселые литовцы прочих уездов <...> Сибирью совсем не интересуются и уходят на заработки за границу <...> Белорусы менее охотно мирятся с заграничными порядками». В целом же чиновник признавался: «Группировки эмигрантов по национальности мне не удалось произвести по той причине, что большая часть уехавших и возвратив-

шихся и сама затрудняется, к какой национальности себя причислить. Называют себя литовцами лишь те, что плохо говорят по-русски. Посредственно владеющие либо польским, либо русским языком уже называют себя просто католиками; а на вопрос, не поляк ли он, обыкновенно отвечает, что, должно быть, католик и поляк одно и то же, и что если католик, то, должно быть, и поляк <...> Православное население считает себя русским по тем же основаниям, предполагая, что православный и русский — это синоним»⁵⁰. Таким образом, в национально-конфессиональном плане самыми мобильными оказывались жители края католического вероисповедания, что подтверждается и цифрами, приведенными в отчете виленского губернатора: из 17 680 лиц, уехавших из губернии за границу в 1908–1910 гг., насчитывалось 14 960 католиков, 2690 православных и 30 старообрядцев⁵¹.

Характер трудовой деятельности эмигрантов Офросимов описывал со слов побывавших в Америке крестьян: «Главный контингент отъезжающих попадает на работы в рудники, либо на фабрики; остальные на сельскохозяйственные работы. Некоторые эмигранты, по болезненному состоянию не способные к физическому труду и скопившие уже небольшой капитал, снимают квартиры, сдают углы землякам и сородичам и держат нахлебников, выручая таким образом до 100–120 руб. в месяц»⁵². В результате «меньше чем с 1000 руб. редко кто возвращается». По подсчетам Офросимова, в 1910 г. общая сумма денежных переводов только в Виленскую губернию составила более 5 млн руб.⁵³ (По оценке виленского губернатора — 4 млн руб.⁵⁴) О том же говорилось и в отчете губернатора, отмечавшего, что высокий уровень заработной платы в США, колеблющейся между 2 и 10 руб. за сутки, позволяет трудовым эмигрантам, помимо периодических денежных отправок домой, делать сбережения: «В этом отношении крайне характерным является то, что каждый отправляющийся на заграничные заработки ставит себе целью привезти из Америки тысячу рублей, как сумму, определяющую по понятиям крестьян, известную степень обеспеченности и, действительно, без этой суммы возвращаются лишь немногие. Большинство скапливают суммы еще большие, а те, которые остаются в Америке до 10 и даже 20 лет, нередко привозят с собою, в конце концов, от десяти до пятнадцати тысяч рублей»⁵⁵.

В связи с большими экономическими перспективами трудовой эмиграции особенно актуальным вновь оказывался вопрос о контроле над миграционным процессом, находившимся в руках «тайных агентов», набивавших свои карманы значительными средствами, которые при правильной постановке дела могли пойти на рост благосостояния трудовых эмигрантов и их хозяйств на родине. «Вся поездка от Вильны до Нью-Йорка через Либаву обходится около 105 рублей. Между тем цена проезда через тайных агентов в Америку колеблется от 150 до 250 рублей», — указывал Офросимов. Другим посредником был виленский филиал Восточно-Азиатского пароходства, однако Офросимов отмечает: «Если судить по официальным отчетам этого агентства, то надо признать деятельность его столь плачевной, что приходится лишь удивляться, отчего Восточно-Азиатское общество не упраздняет Виленскую контору». Последняя, по предположению Офросимова, являлась ширмой для деятельности

неофициальных агентов. Агенты же, как следовало из отчета виленского губернатора, наносили материальный ущерб не только трудовым эмигрантам, но и российскому торговому мореплаванию, так как эмиграционное движение направлялось агентами не в российские, а в германские порты⁵⁶. В числе причин, по которым крестьяне обращались к агентуре, Офросимов выделял следующие: неосведомленность, нежелание тратить время, «медленность выдачи удостоверений на право выезда», «боязнь оказаться одиноким, без знания языка, за границей», «обилие на местах бывалых и ловких агентов», «отсутствие правительственных органов», «боязнь правительственных репрессий за случайное несоблюдение формальностей»⁵⁷.

При этом поручать контроль над трудовой эмиграцией МТиП Офросимов считал нецелесообразным, так как данное ведомство также отражало интересы не «трудящихся масс», но посредников, т. е. все того же Отдела торгового мореплавания, главной задачей которого являлась «поддержка российского флота»⁵⁸. Эксперт рассуждал: «Раз дело переселения признано было более целесообразным приурочить к Министерству земледелия, то не менее оснований передать этому ведомству и заведывание и наблюдение за движением населения на отхожие промыслы». Чиновник был уверен: «[такой подход] несомненно совпадает с точкой зрения правительства, за последнее время поставившего одной из главных своих задач поддержание интересов земледельческого класса»⁵⁹.

В противовес законопроекту МТиП, Офросимов предлагал следующую программу:

- упростить систему выдачи удостоверений и паспортов;
- поручить эту деятельность чиновникам особых поручений Переселенческого управления с организацией специальной конторы;
- агентуру на местах поручить земским начальникам и волостным писарям;
- поручить русским консулам и торговым агентам содействовать эмигрантам и сообщать в Россию о ценах и потребности в рабочих руках⁶⁰.

Оттенок утопичности проекту чиновника-энтузиаста придавало заключение его доклада: «Позволю себе добавить, что при создании той или иной организации главное, чего бы следовало избегать, это мертвого канцеляризма, переобременения новым делом учреждений, имеющих уже свои специальные задачи, а также излишних централизации и соподчинения, стесняющих инициативу руководителей дела на местах и в губернии (носящего полукоммерческий характер) — памятуя, что дело делается людьми, а не учреждениями и, по старой поговорке, у семи нянек — дитя без глаза»⁶¹.

Позже Л. С. Офросимов опубликовал результаты исследования в виде брошюры⁶². Докладную же записку Офросимова Д. Н. Любимов представил в Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ), приложив к ней и собственные соображения. Соглашаясь в целом с основной мыслью своего порученца, губернатор писал: «Дело отправки крестьян на заработки лучше всего связать в Виленской губернии с делом, наиболее охватывающим все стороны крестьянской экономической жизни, т. е. с делом зем-

леустройства, которое силою вещей уже выходит за пределы межевых работ и экономической помощи. На урегулирование отправки крестьян за границу на заработки, что рано или поздно должно стать предметом правительственного попечения <...> мне кажется, следует смотреть как на одну из сторон дела землеустройства, как на источник той степени крестьянского благосостояния, которая позволяет расширять и улучшать площадь его земельного владения»⁶³.

Однако губернатор не поддержал мысль Офросимова о необходимости создания специального регулирующего эмиграцию органа. Вместо него Любимов предложил учредить миграционные бюро при уездных землеустроительных комиссиях, так как «учреждения эти имеют ближайшею целью поднятие крестьянского благосостояния, чему служит также и рабочая эмиграция»⁶⁴. Для обеспечения же материальных затрат администратор считал целесообразным установление особого сбора с отъезжающих крестьян, назначением которого было бы содержание эмиграционных бюро и развитие их деятельности. Эмиграционное движение, вливающее в одну только губернию не менее 4 млн руб. в год, заключал губернатор, «может и должно окупать расход на его урегулирование»⁶⁵. О том же Д. Н. Любимов писал и в своем всеподданнейшем отчете за 1910 г.⁶⁶

Со своей стороны, Отдел торгового мореплавания МТиП 30 ноября 1911 г. обратился к заведующему находившемуся в Вильне Справочным рабочим бюро Северо-Западного края с предложением заняться работой по учету трудовой эмиграции⁶⁷. Оттуда 14 января 1912 г. поступил ответ, из которого следовало, что из-за нехватки кадров осуществить данную работу не представляется возможным, а «если бы такая возможность и представилась, то и тогда, по неразвитости, отсутствию любознательности и запятованию иностранных названий, не только сельские старосты, но и родные ушедшего, едва ли могли бы показать, каким путем ушел рабочий»⁶⁸. Учрежденное в 1909 г. ГУЗиЗ Справочное бюро занималось отправкой крестьян на Дальний Восток, но брать на себя регулирование трудовой миграцией за границу не спешило. К тому же в ГУЗиЗ были убеждены в том, что заграничная трудовая эмиграция наносит вред колонизации собственной азиатской территории и что необходимо использовать «хотя бы часть этого эмиграционного потока для нужд Дальнего Востока»⁶⁹.

Летом 1912 г. управляющий ГУЗиЗ А. В. Кривошеин предложил сделать Виленское рабочее бюро главной контролирующей инстанцией. В обращении к министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву он отмечал, что «возложение обязанностей» на Землеустроительные комиссии «не представляется возможным, так как комиссии эти ни по своему коллегиальному устройству, ни по характеру своей деятельности совершенно не приспособлены к такого рода посредничеству»⁷⁰. Однако поскольку необходимо было тотчас же «прийти на помощь населению Северо-Западного края, поставленному в необходимость искать заработки за границей», ГУЗиЗ предлагало расширить полномочия Виленского справочного бюро и на эту сферу. Таким образом, задачи бюро в этом отношении сводились бы: к собиранию сведений о состоянии рабочего рынка за границей через российских консулов и торговых агентов; оглашению

этих сведений в печати; собиранию и публикации тем же путем сведений об условиях найма и производства работ за границей; возможному посредничеству между заграничными предпринимателями и русскими рабочими при заключении условий найма; выяснению и широкому оповещению местного населения об условиях и стоимости переезда рабочих в конкретные страны; оказанию содействия в получении заграничных паспортов и устранению в этом отношении посредничества частных агентов; общему учету заграничной эмиграции⁷¹.

Эту мысль в итоге поддержал и Д. Н. Любимов. В своей записке от 12 января 1912 г., адресованной начальнику Отдела торгового мореплавания С. Веселаго, он характеризовал «отхожий промысел в заокеанские страны» как важную «отрасль народного труда» и настаивал на необходимости ускорить процесс установления государственного над ним контроля. Полагая, что создание законодательным путем особой организации последует не ранее, чем через два-три года, виленский губернатор предлагал воспользоваться уже имеющимся в Вильне бюро, расширив его компетенцию за счет передачи ему функций заведования отхожим промыслом за границу, наблюдения за деятельностью частных контор пароходных компаний (если таковые не будут упразднены) и продажи проездных документов⁷². При этом Любимов считал целесообразным распространить на отъезжающих в страны Нового Света те же льготы, что установлены по конвенции для рабочих, отправляющихся на временные заработки в Германию, так как в противном случае трудовые эмигранты могли бы предпочесть отправку за океан не через российские, а через германские порты. Последняя мера свидетельствовала о стремлении губернатора учитывать интересы и МТиП, так как должна была удовлетворить главную потребность Отдела торгового мореплавания: «усилить прилив пассажиров к русским портам». В заключение губернатор выражал надежду, что «предполагаемые меры, не исчерпывая вопроса во всей его полноте, все же до некоторой степени введут стихийное движение в русло законности», и осведомлялся «о желании Отдела торгового мореплавания прийти на помощь рабочим, уходящим на заокеанские заработки»⁷³.

Однако проблема так и не была решена. 20 февраля 1914 г. Совет министров под председательством И. Л. Горемыкина рассмотрел представление Отдела торгового мореплавания МТиП «об отходе на заработки за границу», признав этот пробел в законодательстве «совершенно недопустимым» при существующих масштабах заграничной трудовой эмиграции («сотни тысяч рабочих»). Особо подчеркивалось, что российская власть собирается не поощрять эмиграционное движение, а только упорядочить, выведя его из нелегального положения. Отмечая, что заграничная трудовая эмиграция расходится по двум основным направлениям — в заокеанские страны и на сезонные работы в Германию и Данию, — Совет министров указывал на принципиальную разницу между ними. Если движение трудовых эмигрантов в страны Нового Света министры были готовы узаконить, то отход на заработки в европейские страны признавали явлением крайне нежелательным, которое следовало заменить внутренним отхожим промыслом. Мотивировалось это тем, что, во-первых, многие

регионы империи испытывают нехватку рабочих рук, а во-вторых, нахождение на территории Германии до полумиллиона сезонных рабочих в случае военного конфликта с ней позволит использовать этот трудовой ресурс против России. В результате было принято решение выделить трудовую эмиграцию в заокеанские страны в отдельный законопроект и как можно скорее предоставить его на рассмотрение Государственной думы⁷⁴.

Обсуждение эмиграционного вопроса в Думе состоялось 7 мая 1914 г., вызвав оживленную дискуссию среди депутатов. Закончилось думское заседание принятием формулы, предложенной бюджетной комиссией: признать необходимым, «чтобы правительством были приняты меры к скорейшему внесению в законодательные учреждения законопроекта об эмиграции, причем была бы принята во внимание охрана интересов русских рабочих, как во время пути, так и на местах их труда в иностранных государствах со стороны представителей России в этих государствах»⁷⁵. Однако, несмотря на стремление Думы поставить вопрос об эмиграции «во всю государственную ширь»⁷⁶, упорядочить трудовую эмиграцию за рубеж на законодательном уровне так и не удалось. Разразившаяся через несколько месяцев Первая мировая война, с одной стороны, естественным образом приостановила трудовые эмиграционные потоки через западную границу, а с другой — выдвинула перед властью совсем иные задачи, решение которых не требовало отлагательств. В результате вопрос о зарубежной трудовой эмиграции, приобретший в начале XX в. большое экономическое значение и для Западного края, и для империи в целом, в царской России так и не был решен⁷⁷.

Развитие в конце XIX — начале XX в. трудовой эмиграции с западных окраин империи во многом было обусловлено противоречивым характером молодого отечественного капитализма. Растущая экономика не могла еще предложить трудовым силам страны необходимое количество рабочих мест (это было связано в первую очередь с недостаточным развитием промышленной базы) и конкурентоспособную заработную плату, а потому соблазн заработать за границей средства, в несколько раз превышающие заработок на родине, становился непреодолимым соблазном для жителей Западного края. Трудовая миграция за рубеж превратилась в массовое явление, с каждым годом захватывающее все большее число лиц, принадлежащих к «коренному русскому населению», что заставляло власти искать способы регулирования этого движения. С одной стороны, отток рабочих рук за границу тормозил освоение Сибири и Дальнего Востока, которые в них остро нуждались, но перенаправить европейскую и заокеанскую трудовую эмиграцию в азиатскую Россию, не сулившую относительно быстрого и крупного заработка, без принудительных и запретительных мер было невозможно. Понимая, что в государственном масштабе трудовая эмиграция представляет явление скорее отрицательное, власти не могли не признать, что для западных окраин она играла во многом положительную роль: снижала социальную напряженность, ослабляла конкуренцию за рабочие места, повышала благосостояние местного населения и тем самым способствовала разрешению проблемы малоземелья и создавала условия для реализации в регионе столыпинской аграрной программы. Масштаб трудовой

эмиграции и растущий вокруг нее теневой бизнес заставил российские власти взяться за ее законодательное урегулирование, однако ход обсуждения проблемы в 1909–1914 годах свидетельствует, с одной стороны, о стремлении как местных, так и центральных властей решать проблему, а с другой — о несогласованности различных ведомств, отвечавших за окраинную экономическую политику. В последнем отношении значительную роль играл ведомственный интерес: если МТиП было заинтересовано в извлечении дохода, полученного с транспортировки эмигрантов в заокеанские страны, то ГУЗиЗ и местные власти смотрели на проблему трудовой эмиграции с точки зрения поднятия уровня благосостояния земледельческого населения. Несогласованность действий и отсутствие четкого представления о мерах регулирования трудовой эмиграции в итоге так и не позволили властям решить эту проблему до начала Первой мировой войны. Последняя же в силу объективных причин положила конец как движению трудовой эмиграции через западную границу, так и разработке законодательной базы по регулированию миграционных процессов.

¹ См., напр.: *Тизенко П.Д.* Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. Либава, 1909; *Офросимов Л.С.* Отхожий промысел за океан: обследование Виленской губернии. Вильна, 1912; *Курчевский Б.* О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914.

² *Ганелин Р.Ш.* Попытки развития экономических связей между Россией и странами Латинской Америки в конце XIX — начале XX в. // *Монополии и иностранный капитал в России.* М.; Л., 1962. С. 315–358.

³ *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки (исторический очерк). Киев, 1980.

⁴ *Тудоряну Н.Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986.

⁵ *Улевичюс П.В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1962; *Эйдинтас А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989.

⁶ *Тихомиров А.В.* Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1994; *Ціхаміраў А.В.* 1) Масавая эміграцыя і пачатак фарміравання беларускай дыяспары ў ЗША. 80-я гг. XIX ст. — 1914 г. // *Вестні АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук.* 1993. № 4. С. 46–52; 2) Масавая эміграцыя з Беларусі. Пачатак фарміравання беларускай дыяспары // *Гісторыя Беларусі.* Т. 4. Минск, 2005. С. 376–385.

⁷ *Стрелко А.А.* Украинская трудовая эмиграция в странах Латинской Америки (конец XIX — начало XX ст.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1978.

⁸ См., напр.: *Куприн Д.О.* Эмиграция из России в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Путятова Э.Г.* Российская трудовая эмиграция в Аргентину (конец XIX — начало XX вв.). СПб., 2011; и др.

⁹ *Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон.* СПб., 1904. Т. 15. С. 748.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф.95. Оп.18. Д.616. Л.12.

¹¹ *Тихомиров А.В.* Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г. С. 15.

¹² РГИА. Ф.391. Оп.2. Д.548. Л.176–176 об.

¹³ Там же. Л.176 об.–177 об.

¹⁴ Там же. Л.181–181 об.

¹⁵ Там же. Л.178 об.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Там же. Л. 179.
- ¹⁸ Там же. Л. 180 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 182 об.
- ²⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. 1914 год. М., 2006. С. 95.
- ²¹ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 17.
- ²² Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей... С. 337.
- ²³ В. Г. Льготы эмигрантам // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1910. 22 окт.
- ²⁴ Осведомленный. О министерских «льготах» эмигрантам (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1910. 12 нояб.
- ²⁵ Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей... С. 339.
- ²⁶ РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1243. Л. 81.
- ²⁷ Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей... С. 338.
- ²⁸ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 17.
- ²⁹ Там же. Оп. 6. Д. 1241. Л. 3–3 об.
- ³⁰ Там же. Л. 125.
- ³¹ Там же. Л. 150 об.
- ³² Там же. Л. 120 об.
- ³³ Там же. Л. 149 об.
- ³⁴ Там же. Л. 144.
- ³⁵ Там же. Л. 120 об.–122 об., 126 об.–127.
- ³⁶ Там же. Л. 121.
- ³⁷ Там же. Л. 122 об.–123.
- ³⁸ Там же. Л. 127 об.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Дейч Л. Нью-Йорк: Русские в Соед.-Штатах Сев. Америки // Живая жизнь. 1913. 17 (30) июня.
- ⁴¹ Подробнее о нем см.: Соловьев К. А. В тени больших событий. Дмитрий Николаевич Любимов и его воспоминания // Любимов Д. Н. Русское смутное время. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 5–34.
- ⁴² РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 9–9 об.
- ⁴³ Там же. Л. 9 об.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 48
- ⁴⁵ Там же. Л. 12.
- ⁴⁶ Там же. Л. 12 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 13 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 15.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 11.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 13–14.
- ⁵¹ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 10.
- ⁵² Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 13
- ⁵³ Там же. Л. 15–15 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 11.
- ⁵⁵ Там же. Л. 10 об.–11.
- ⁵⁶ Там же. Л. 12 об.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 16–16 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 17 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 18.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. Л. 24
- ⁶² Офросимов Л. С. Отхожий промысел за океан: обследование Виленской губернии. Вильна, 1912.
- ⁶³ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 49.
- ⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 50.

⁶⁶ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 11–14.

⁶⁷ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 9.

⁶⁸ Там же. Л. 7.

⁶⁹ Там же. Л. 5 об.

⁷⁰ Там же. Л. 3 об.

⁷¹ Там же. Л. 6–6 об.

⁷² Там же. Л. 8.

⁷³ Там же. Л. 8 об.

⁷⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. 1914 год. М., 2006. С. 95–98.

⁷⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 102–103.

⁷⁶ Там же. Стб. 100.

⁷⁷ См. об этом: *Тихомиров А. В.* Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г. С. 16; *Куприн Д. О.* Эмиграция из России в конце XIX — начале XX вв. С. 38–39.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2019 г.

Рекомендована в печать 14 ноября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 1. С. 70–88.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.105>
УДК 94(47).083

Аннотация: В статье анализируется зарубежная трудовая миграция из Западного края Российской империи, занимавшего в конце XIX — начале XX в. лидирующие позиции по количеству экономических эмигрантов. Особое внимание уделяется трудовой эмиграции в заокеанские страны (США, Аргентину, Бразилию и др.). Авторы рассматривают влияние временной трудовой эмиграции на сельское хозяйство, землеустройство и другие экономические отрасли региона. Также исследуются усилия местных и центральных властей по выработке официальной позиции в отношении трудовой эмиграции и попыткам ее регулирования. Публикация вводит в научный оборот новые источники, позволяющие внести уточнения в представления о подходе российских властей к проблеме трудовой эмиграции. Авторы приходят к выводам, что массовый характер трудовой эмиграции и финансовые средства, привлекаемые ею в экономику региона, заставили власти пересмотреть свое отношение к проблеме отхода населения западных губерний на заработки за границу. Осознавая нежелательный характер этого явления в общегосударственном масштабе, царские администраторы вынуждены были признать, что для западнорусских и прибалтийских территорий оно играло и положительную роль, ослабляя социальную напряженность и освобождая рабочие места, повышая за счет притока средств уровень жизни местного населения, а главное — отчасти решая проблему малоземелья. Таким образом, трудовая эмиграция способствовала реализации столыпинской аграрной программы. Все вышеперечисленное, а также стремление обеспечить доходы российских пароходств, защитить интересы самих временных трудовых мигрантов (в том числе от неизбежно сопутствующих подобным процессам проявлений коррупции), подталкивало власти к поиску путей легализации и законодательного регулирования заграничной трудовой миграции. Однако межведомственная несогласованность и отсутствие четкой концепции помешали разрешить этот вопрос до начала Первой мировой войны, положившей конец как самой трудовой миграции в ее прежнем виде, так и попыткам ее бюрократического регулирования.

Ключевые слова: Западные окраины, Российская империя, западные губернии, эмиграция, трудовая миграция, центр, регионы, экономическая политика.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)».

Сведения об авторах: **Иванов А. А.** — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); andrey.a.ivanov@spbu.ru | **Котов А. Э.** — д-р ист. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.kotov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

FOR CITATION

Ivanov A. A., Kotov A. E. 'The Economic Importance and the Attempts to Regulate the Foreign Labor Migration in the Western Part of the Russian Empire (late 19th — early 20th Century)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 1, 2020, pp. 70–88.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.105>

Abstract: This paper investigates foreign labor migration from the Western region of the Russian empire, which from the late 19th to early 20th century provided the most economic emigrants. Special emphasis is placed on labor migration to overseas countries (USA, Argentina, Brazil, etc.). The authors consider the impact of temporary labor migration on agriculture, land-utilization, and other economic sectors of this region. They also study attempts of local and central authorities to work out an official position on regulating labor migration. The essay introduces new sources that allow us to refine our understanding of the attitude of Russian authorities towards labor migration. The authors conclude that the wide scale of labor migration and financial means invested into the regional economy made the authorities reconsider their attitude about letting parts of the population of western provinces go abroad to make a decent livelihood. Realizing that on a national scale labor migration was an undesirable phenomenon, the authorities had no choice but to acknowledge that for its western regions, its role was largely positive: it reduced social tension, mitigated competition for job opportunities, improved the local population's wellbeing, and provided a solution to the problem of land scarcity and enabled implementation of the Stolypin's agrarian program in the region. All of this, along with a shadow economy around emigration, led authorities to find ways of legalization and legal response to foreign labor migration. Discussion of these issues showed that incoherence, lack of a clear understanding of measures for regulating labor migration, and differences in departmental vested interests prevented implementing meaningful solutions before World War I, which put an end to both the movement of labor across the western border and the development of a regulatory environment.

Keywords: Western outskirts, Russian Empire, Western provinces, migration, labor migration, center, regions, economic policy.

This research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00142 "The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)".

Authors: **Ivanov A. A.** — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); andrey.a.ivanov@spbu.ru | **Kotov A. E.** — Dr. Sci. in History, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.kotov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

References:

- Cihamiraw A. V. 'Mass emigration and the beginning of the formation of the Belarusian diaspora in the United States. 80s XIX century. — 1914', *Vjesci Akademii Navuk Bjelarusi. Sjeryja gramadskikh navuk*, no. 4, 1993. (In Belarusian)
- Cihamiraw A. V. 'Mass emigration from Belarus. The beginning of the formation of the Belarusian diaspora', *Gistojja Bjelarusi*, vol. 4. (Minsk, 2005). (In Belarusian)
- Ejdintas A. *Lithuanian emigration to the countries of North and South America in 1868–1940* (Vilnius, 1989). (In Russian)

- Ganelin R. Sh. 'Attempts to develop economic ties between Russia and the countries of Latin America in the late 19th — early 20th century', *Monopolii i inostrannyi kapital v Rossii* (Moscow; Leningrad, 1962). (In Russian)
- Kuprin D. O. *Emigration from Russia in the late 19th — early 20th centuries* [Candidate of History Dissertation] (Moscow, 2000). (In Russian)
- Kurchevskiy B. *About Russian emigration to America* (Libava, 1914). (In Russian)
- Ofrosimov L. S. *Departure for work overseas: a survey of the Vilna province* (Vilna, 1912). (In Russian)
- Putyatova E. G. *Russian labor emigration to Argentina (late 19th — early 20th centuries)* (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Solov'ev K. A. 'In the shadow of big events. Dmitry Nikolaevich Lyubimov and his memories', Lyubimov D. N. *Russkoe smutnoe vremia. Po vospominaniyam, lichnym zametkam i dokumentam* (Moscow, 2018). (In Russian)
- Strelko A. A. *Slavic population in Latin America (historical sketch)* (Kiev, 1980). (In Russian)
- Strelko A. A. *Ukrainian labor emigration in Latin America (late 19th — early 20th century)* [Candidate of History Dissertation] (Kiev, 1978). (In Russian)
- Tikhomirov A. V. *Belarusian emigration. 90s of 19th century — 1917* [Candidate of History Dissertation] (Minsk, 1994). (In Russian)
- Tizenko P. D. *Emigration issue in Russia, 1820–1910* (Libava, 1909). (In Russian)
- Tudoryanu N. L. *Essays on Russian labor emigration of the period of imperialism (to Germany, the Scandinavian countries and the USA)* (Kishinev, 1986). (In Russian)
- Ulevichyus P. V. *Emigration of Lithuanian workers to South America, economic conditions of their life, progressive social and cultural activities (1909–1940)* [Candidate of History Dissertation] (Vilnius, 1962). (In Russian)

Received: June 29, 2019

Accepted: November 14, 2019